

Валери Бор

$$E = \frac{\partial}{\partial \pi} f.(1-\psi)^2(n, \theta) = \frac{m \cdot E}{2}$$

$$-\frac{1}{2} S^{-2} + e \frac{\partial}{\partial} |\nabla_i (H, -\Psi)$$

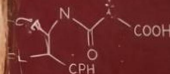
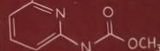
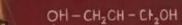
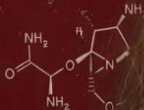
$$M_x: \vec{E} = \frac{\partial E}{\partial t}; E - \frac{\partial v}{\partial t}$$

$$\nabla_\phi: \vec{E} = \frac{\partial F}{\partial t}; -O$$

$$\frac{\partial v}{\partial t} = \Xi \vec{F}_0 - \frac{1}{\hbar \tau} [A^2 \cdot ut$$

$$\text{Euler's} = e^{-mc^2}$$

$$x^2 + y^2 = r^2$$

$$\frac{4z - mc}{2} = e = mc^2$$

$$E_{\text{min}} = \frac{n_x}{m} - \frac{dg}{2t}$$

$$E^2 + 300 = e^2$$

$$E = \frac{I_x M_{\text{pro}}}{2}$$

Эксперимент
«Друзья»

Валери Бор

Эксперимент "Дружба"

<https://litres.ru/74024529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николь воспринимает мир через призму формул и цифр. Даже чувства для неё поддаются логике. Артём же уверен: любовь не укладывается в уравнения. Судьба сводит их в необычном эксперименте: за месяц они должны стать настоящими друзьями.

Однако Артём ставит перед собой задачу проучить Николь, влюбив её в себя. Николь же уверена, что сможет удержать их отношения на дружеской ноте.

Кто победит в этом споре? И что, если победа обойдётся кому-то ценой разбитого сердца?

Валери Бор

Эксперимент "Дружба"

Глава 1

Глава 1. Николь.

Всё в этом мире легко объясняется наукой. Почти всё. Если что-то нельзя объяснить, то это лишь вопрос времени. Уверена, лет через сто наука достигнет таких высот, о которых сейчас даже мечтать не приходится.

Об этом я сегодня рассказываю в докладе по психологии. Все, абсолютно все чувства — это выброс гормонов. Например, любовь — это коктейль из дофамина, окситоцина, вазопрессина. 87% влюбленных отмечают учащенное сердцебиение при виде объекта симпатии, это реакция на выброс дофамина и норадреналина. Отсюда вывод: та любовь, о которой пишут песни и сочиняют баллады, — простая химия, набор реакций.

В аудитории тихо, лишь изредка скрипит стул да шуршат страницы конспектов. Ирина Андреевна активно кивает, постукивая ручкой по столешнице — раз, два, три... Ритмичный звук будто подчёркивает мои слова. Довольная собой, я заканчиваю доклад, надеясь получить высокий балл, но тут раздаётся голос:

— А как же мурашки, когда она проходит рядом?

Это Артём Дементьев, главный клоун университета. Его голос звучит нарочито громко, будто он специально ждал момента, чтобы сбить меня с толку. Неужели не мог промолчать?

Несколько человек недовольно бубнят, разделяя моё недовольство: кто-то тихо вздыхает, кто-то переглядывается с соседом, а кое-кто и вовсе цокает, не скрывая эмоций. Ведь все понимают: если бы не Дементьев, Ирина Андреевна могла бы отпустить нас пораньше.

— Это выброс гормонов, химическая реакция организма, как я и сказала минуту назад. Тебе стоило слушать внимательно. — Отвечаю с легким раздражением, стараясь не выдать досаду.

— Но как гормоны могут объяснить подкашивающиеся ноги или то, как забываешь слова, потому что она смотрит на тебя? — Артём наклоняется ближе, опираясь локтями на парту. Его глаза подозрительно блестят, он явно намеревается продолжить спор.

Какой же он трудный! Я буквально разложила всё по полочкам, расписала схемы, развешала на доске...

— Гормоны, — твёрдо повторяю я, указывая на список. Буквы на бумаге чёткие, формулы выведены аккуратно. Всё разложено по пунктам, как в учебнике.

— Нет, — он качает головой, — одними гормонами тут не обойдётся.

Моё желание уйти домой пораньше сменяется упрямым азартом. Выпрямляюсь, расправляю плечи:

— Ты хочешь сказать, что в век, когда по небу летают самолеты, в космос запускают ракеты, людям пересаживают органы, любовь остаётся чем-то мистическим? — саркастически спрашиваю я, приподнимая бровь.

Он опрокидывается на спинку стула и складывает руки в замок, разглядывая меня с лёгкой усмешкой:

— Не совсем, но это точно не таблица Менделеева. Тут важнее детали: то, как она убирает прядь волос за ухо, или как смеется над твоей шуткой, — начинает перечислять он, загибая пальцы. — Или как смотрит — вот так, знаешь?

Не выдержав, закатываю глаза:

— Эти «детали», не могут быть важнее биохимии.

— А что, если я заставлю тебя влюбиться в меня, несмотря на все твои гормоны? — с вызовом говорит Дементьев, и в его голосе звучит не просто шутка, а настоящий азарт.

По аудитории поднимается взбудораженный гул, легкий смех, а кто-то даже умудрился присвистнуть. На мгновение мне становится жарко, и я сжимаю листы, чтобы не выдать замешательства.

— Смешно, — фыркаю я. — Дело в том, что если я сознательно буду строить лишь дружеские отношения, то никакие «детали» не помогут. Тебе никогда не выйти из френдзоны.

Ирина Андреевна, до этого молча наблюдавшая за перепалкой, вдруг подаётся вперёд.

— Любопытная мысль, — медленно произносит она. — Николь считает, что любовь является лишь химией, а дружба — сознательный выбор. Артём уверен, что чувства сложнее и могут возникнуть вопреки логике. А что, если проверить?

Мы с Артёмом одновременно поворачиваемся в её сторону. В воздухе повисает тишина. Даже скрип стульев затихает. Всем интересно, что мы ответим.

— Проверить? — переспрашиваю я, чувствуя, как внутри что-то ёкает.

— Да. Давайте проведём эксперимент. Месяц дружбы.

— Притворится друзьями? — уточняю со скептицизмом, скрещивая руки на груди.

— Нет, именно подружиться. Вместе ходить на пары, помогать друг другу, делиться мыслями, — перечисляет она, загибая пальцы, как недавно делал Артём. — В конце эксперимента мы увидим, кто оказался прав.

— Мне это не интересно, я и так знаю, что права.

Артём расплывается в улыбке, словно чеширский кот, и подмигивает:

— Ты просто боишься влюбиться в меня.

Знаю, что он хочет спровоцировать меня, но всё равно ведусь. Кровь приливает к щекам, и я резко выдаю:

— Ладно, я возьмусь за это. Только прошу: после того как у тебя ничего не получится, не становись очередным рэпером, пишущим о неразделённой любви, — с издёвкой бросаю я, стараясь скрыть, как дрожат кончики пальцев. Это ни-

чем хорошим не закончится.

— По рукам, — соглашается он, не сводя с меня пристального взгляда.

Наконец звенит звонок, спасая меня. Одногруппники шумно собирают сумки, стулья скребут по полу, хлопает крышка ноутбука. Я отклеиваю схемы от доски, стараясь не смотреть на Артёма, однако то, что он смотрит мне прямо в спину, чувствую всем нутром. Почему он до сих пор здесь? Пара уже закончилась.

— Вот, возьми, — Артём протягивает мне небрежно сложенные листы. Аккуратно выравниваю края, складываю их в идеальную стопку и возвращаю обратно:

— Лучше оставь их себе. Тебе не мешает изучить причину твоего будущего провала.

— Так уверена в себе? — притворно сощурившись, спрашивает он, и в уголках его губ прячется улыбка.

— Не в себе, в науке, — парирую я его выпад, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Когда приступим? — он переводит тему и проводит пальцем по тонкому следу мела на доске, пачкая руку и портя идеально нарисованную схему. Мел крошится, оставляя белую пыль.

— Прямо сейчас, — пожимая плечами, достаю блокнот и открываю чистую страницу. Ручка нашлась прямо у него за ухом.

— Уже таблицу чертишь?

— Это называется «систематизация».

— Ладно, «маленькая мисс я на задании», пора заключить наше пари, — Артём скидывает рюкзак на парту и протягивает мне руку. Его ладонь тёплая, с едва заметными мозолями. Он задерживает руку на секунду дольше, чем нужно, и я тут же одёргиваю свою, чувствуя, как по спине пробегает странный холодок. Он всё так же улыбается, но теперь в его взгляде что-то новое, что мне не разгадать.

— Итак, — Артём хлопает в ладоши, будто мы только что заключили мирное соглашение между двумя враждующими странами, — с чего начнём наш эксперимент? Может, в столовку сходим? Я бы не отказался от фирменной пиццы с майонезным инсультом.

Делаю вид, будто не слышала его замечания по поводу столовской еды. Но в носу до сих пор стоит запах разогретого масла и дешёвого сыра, я игнорирую это:

— Составим расписание, когда и сколько раз мы будем встречаться. Нужно записать, чтобы и у тебя, и у меня был график.

Он приподнимает бровь, изучая меня:

— Ты это придумала, пока мы руки жали?

Отвечаю не словами, но весьма красноречивым взглядом.

Артём вскидывает руки в примирительном жесте:

— Понял, лицо с субтитрами. Тогда пойдём писать твои правила в библиотеку — тут сейчас пара начнётся, — он кивает на студентов, начинающих заполнять аудиторию, — а

по пути я всё-таки зайду за пиццей.

—Идём, — соглашаюсь я.

Мы выходим из аудитории вместе. Я иду чуть впереди, стараясь держать спину прямо и не оборачиваться. Но краем глаза всё равно ловлю его силуэт: он идёт расслабленно, засунув руки в карманы, и, кажется, насвистывает какую-то мелодию. Не могу поверить в то, что целый месяц мне придётся проводить в его компании. В голове уже выстраивается алгоритм дальнейших действий, но вклинивается совсем неуместное воспоминание о его тёплой ладони.